

УДК 1(091)

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ*

С. В. Бердаус

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
s.berdaus@yandex.ru

Аннотация. Основной проблемный фон статьи – характер, перспективы и обязательства, связанные с заимствованием психологией философских концепций и идей. Высказаны резоны для ознакомительных интервенций в психологию со стороны философии. Представлена экзemplификация такой интервенции в виде анализа психологических подходов к толкованию концепции интенциональности Э. Гуссерля. Отдельно проанализирована интерпретация интенциональности, принадлежащая Р. Мэю. Выдвинуты предположения о том, что его версия концепции интенциональности задействует имплицитные коннотации феноменологической трактовки интенциональности с теорией влечения З. Фрейда.

Ключевые слова: Гуссерль, интенциональность, феноменология, Ролло Мэй, экзистенциальный анализ, психоанализ, сознание, бессознательное, симультанный анализ.

Для цитирования: Бердаус, С. В. (2022). Развитие концепции интенциональности в дискурсе современной психологии. *Respublica Literaria*. Т. 3. № 1. С. 28-37. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.28-37.

DEVELOPING THE CONCEPT OF INTENTIONALITY IN THE DISCOURSE OF MODERN PSYCHOLOGY*

S. V. Berdaus

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
s.berdaus@yandex.ru

Abstract. The main problematic background of the article is the nature, prospects and obligations associated with the borrowing of philosophical concepts and ideas by psychology. Reasons are expressed for introductory interventions in psychology from the side of philosophy. An exemplification of such an intervention is presented in the form of an analysis of psychological approaches to the interpretation of E. Husserl's concept of intentionality. R. May's interpretation of intentionality is considered in more detail. It is suggested that his version of the concept of intentionality uses the implicit connotations of the phenomenological interpretation of intentionality with Freud's theory of drive.

Keywords: Husserl, intentionality, phenomenology, Rollo May, existential analysis, psychoanalysis, consciousness, unconsciousness, simultaneous analysis.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00911 «Предпосылки формирования феноменологической философии и перспективы феноменологического метода»

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00911 «Preconditions for the formation of phenomenological philosophy and prospects for the phenomenological method»

For citation: Berdaus, S. V. (2022). Developing the Concept of Intentionality in the Discourse of Modern Psychology. *Respublica Literaria*. Vol. 3. no. 1. pp. 28-37. DOI: 10.47850/RL.2022.3.1.28-37

Проблематизация аффинитета психологии к философии

При всем разнообразии форм и проявлений корпус современной психологии можно разделить на два блока. Первый тяготеет к естественнонаучному формату развития (психологические направления, базирующиеся на бихевиоральных, нейрофизиологических и т. п. подходах). Второй разворачивается в противоположном направлении, отказываясь искать субстрат сознания, мыслить в категориях и условиях картезианского дуализма, прибегать к естественнонаучной методологии и т. д. Речь идет о широком поле направлений, очерчиваемых психоанализом, гештальтпсихологией, гуманистической и экзистенциальной психологией и множеством субнаправлений, и различных форм интеграций. Среди ключевых характеристик второго блока особое внимание следует обратить на достаточно энергичное заимствование идей и концепций из философии, из которой психология собственно и берет свое начало.

Оставляя аргументы и предпочтения в оценке недостатков и преимуществ этих двух блоков психологии за рамками настоящей статьи, мы сосредоточимся только на вопросе, касающемся заимствований философских концепций. Вопрос представляется амбивалентным. С одной стороны, он может показаться поверхностным, надуманным и даже избитым. Философия и психология, особенно в изводе второго блока, сущностно близки. Сепарация произошла по научным меркам совсем недавно – сто с небольшим лет назад. В этом плане обращение психологии к философии вполне уместно. Однако, с другой стороны, чисто интуитивно напрашивается целый ряд вопросов, которые хочется озвучить. Есть ли какой-то регламент этих заимствований? Есть ли у ученого-психолога какие-то обязательства перед философией, когда он привлекает в свои концепции философские идеи? Допустимо ли заимствование какой-то идеи, вырванной из контекста философской системы в целом? Необходимо ли со стороны философии осуществлять рефлексию или что-то вроде ревизии производимых психологией заимствований или же это принципиально не входит в компетенции философии? И еще целый ряд подобных вопросов.

Очевидно, что ответить на эти вопросы разом, по списку, невозможно. Представляется единственно правильным в настоящий момент, когда психология продолжает свое стремительное лавинообразное развитие, а философия, будучи в поисках себя, своей актуальности, притормозила исполнение некоторых своих неотъемлемых функций, хотя бы удерживать эти вопросы в напряженном внимании и отдавать себе отчет в важности и необходимости ответа на них. В данной статье мы будем придерживаться следующих принципов. Несмотря на историческую и предметную общность философии и психологии, мы проводим различие между ними по критерию четкости внутренней телеологии. В философии, осмелимся предположить, эта телеология задана коррелятивностью кардинальных идей – истины, блага и красоты. Мышление философа обусловлено этими тремя координатами, они составляют пространство его мысли. Какова телеология психологии? И в этом вопросе, на наш взгляд, нет нужды уточнять практической или теоретической психологии его задают. И тот и другой подраздел психологии ответят,

что цель – контролируемая возможность принести облегчение человеку, находящемуся в негативном состоянии. Будет ли эта цель достигаться хотя бы отдаленно относительно философских координат – это уже другой самостоятельный вопрос¹. Свой ответ на него в начале XX в. предлагал Э. Гуссерль. Он говорил о том, что психология вправе развиваться в различных направлениях, физиологических в том числе, ведь ее поиски обусловлены самой природой человека, природой психических процессов. Но все эти поиски будут легитимны только тогда, когда психология будет в качестве фундамента иметь научную философию, и вот в этой связке, помимо предоставления сущностных знаний об области психического, философия и будет заботиться о соблюдении морального кодекса и этоса ученых в их познавательной деятельности, осуществляемой в области психологии [Гуссерль, 2013, с. 432-442]. Однако феноменологический проект оказался не реализован, и на сегодняшний день, по-видимому, единственной приемлемой альтернативой можно считать корректные дипломатичные интервенции со стороны философии в изыскания психологов. Эти обозревательные интервенции и не носящие облигаторный характер комментарии могут быть полезны как минимум в двух отношениях. Первое связано с актуализацией аналитической и критической рефлексии, которая может дать положительные результаты, как для самой психологии, так и для философии. Второе соображение, инспирированное практико-ориентированными тенденциями современной философии, указывает на потребность в наглядных примерах симультанного анализа поля психологии и поля философии для экспликации актуального положения последней, ее методологического инструментария, характера установления связей со смежными дисциплинами.

Концепция интенциональности: актуальное положение дел

Коротко очертив общую актуальность исследования, мы можем сконцентрироваться на конкретном экземпляре, избранном для симультанного анализа. В настоящей статье мы решили остановиться на феноменологической концепции интенциональности. Чем обусловлен наш выбор? Главным образом, удивительным положением этой концепции в рамках своей прародительницы – философии.

Несмотря на то, что интенциональность – это методологический и смысловой центр всей феноменологии Э. Гуссерля, ее концептуальное развитие, позволим себе оксюморон, давно приобрело консервативный характер. На это положение вещей еще в 1971 г. обратил

¹ В особенности с учетом того, что есть пограничные кондиции, которые сложно однозначно разместить по шеренгам философского или психологического фронта. Здесь можно указать в качестве примера Ж. Лакана и его профессиональный coming out: «Я вспоминаю, какое негодование со стороны собратьев, умеющих при случае, чтобы кому-то было спокойнее, скрыться под личиной наигранной благожелательности, вызвал я однажды, сказав, что исцеление является в анализе *побочным эффектом* (здесь курсив наш – С.Б.). Им почудилось в этом презрение по отношению к страдающему человеку, за которого мы ответственны, – я же, на самом деле, рассуждал с точки зрения чисто методологической. Оправдание нашей деятельности и наш долг бесспорно состоят в том, чтобы положение субъекта улучшить. Однако в области, где мы работаем, именно понятие исцеления является, между тем, самым шатким. <...> Вот почему я не думаю, что отступаю от аналитического опыта хоть на йоту, когда напоминаю вам, что внутри этого последнего могут возникнуть самые разные вопросы и что приходится поэтому держаться определенной нити, которая гарантировала бы, по меньшей мере, что с собственным инструментом – *размерностью истины* – мы обращаться умеем» [Лакан, 2010, с. 72].

внимание М. Хайдеггер, прямо заявив, что «даже редкая феноменология застыла в догматизме» [Хайдеггер, 2012, с. 381]. Интенциональность в поле феноменологических исследований стала своего рода мавзолеем, напоминанием о чем-то трудном и важном, но не более. И хотя бы какую-то жизнь эта концепция стала обретать либо в междисциплинарных, либо в собственно психологических дискурсах и экскурсах.

Если говорить о междисциплинарных предприятиях, то можно привести в пример исследования С. Феррарелло. В общих чертах их можно свести к попытке на феноменологическом языке объяснить те конститутивные особенности психики, которые охватывают как сознательный, так и бессознательный ее домены. Напомним, что Гуссерль, несмотря на сложившийся стереотип согласно которому «... феноменология – это описание сознания и только сознания», признавал и бессознательные явления психики: «... что касается столь широко обсуждаемой сейчас проблемы “бессознательного” [“Unbewußte”] - сна без сновидений, обморока и всего прочего в таком же или подобном роде, что только можно отнести к этому титулу, – то при этом речь, во всяком случае, идет о происшествиях в предданном мире, и поэтому они, само собой, разумеется, попадают в трансцендентальную проблематику» [Гуссерль, 2013, с. 310]. Принимая это во внимание, Феррарелло в русле, так называемой, практической интенциональности рассматривает пассивные и активные синтезы сознания и ряд связанных с ними феноменов, так или иначе затронутых Гуссерлем в таких его работах, как «Анализ пассивных синтезов» (Hua II), «Феноменология бессознательного и пограничные проблемы рождения, сна и смерти» (Hua XLII), «Феноменологическая психология» (Hua IX) и многих других. В ходе этих научных поисков дается попытка объяснить феномены мотивации, воли, выбора, тех или иных эмоциональных реакций, в том числе затрагивающих проблему телесности и сексуальности [Ferrarello, 2011; 2016; 2019].

Другой пример междисциплинарного осмысления интенциональности будет носить полемичный характер и одновременно иллюстрировать проблему дискурсивного разрыва философии и психологии. В своих семинарах, посвященных теме тревоги, Жак Лакан говорит следующее: «... точка зрения эта, которая благодаря школе Гуссерля, выделившей интенциональность как особую функцию, получила в современной философии высшую степень развития, вводит нас в заблуждение относительно того, что следует именовать объектом желания. Ведь ее сторонники утверждают, что нет ноэзы, нет мысли, которая не была бы направлена на определенный предмет. И это, похоже, единственный путь, позволяющий идеализму вновь обрести путь к реальному. Но правомерно ли мыслить объект желания таким образом? Так ли в отношении желания обстоит дело? Обращаясь к уровню понимания, который разделяют все и на котором без интуиции не обойтись, я сразу задам вопрос – а действительно ли объект желания ожидает нас *впереди*? В этом как раз пресловутая иллюзия и состоит» [Лакан, 2010, с. 125]. Читают феноменологи Лакана или не читают – это риторический вопрос. Данными о каких-то дискуссиях мы не располагаем, не отрицая при этом, что они вполне могут иметь место. От себя мы хотели бы лишь высказать точку зрения, согласно которой Лакана можно считать если не чистым феноменологом, то интуитивно приближающимся к феноменологическому способу мышления автором. Поэтому, высоко оценивая его интеллектуальный вклад в дескриптивный анализ сознания и бессознательного, хотелось бы частично разрешить озадаченность Лакана в приведенной цитате относительно природы интенциональности

желания. Эта озадаченность сосредоточена в акцентуации категории «вперед». Однако интенциональности нет никакого «вперед». Направленность сознания на объект – это всего лишь неотъемлемая конститутивная включенность объекта в жизнь сознания. При этом «душевные переживания, по отдельности и как связное целое, не имеют в себе и для себя никакой реальной единой формы существования и последовательности, подобно реальной временно-пространственности (*Zeitraumlichkeit*). Сущностно принадлежащая им форма протекания, или текучего бытия, в единстве потока сознания не есть действительная форма, параллельная этой временно-пространственности. Образ потока весьма коварен» [Гуссерль, 2005, с. 306]. Возможно, эти соображения внесли бы какие-то коррективы в ход мыслей Лакана относительно феноменологического понимания причинности и связанных с ней феноменов. Пока же его выводы таковы: «... во избежание дальнейших недоразумений, сразу скажу, что по аналогии с интенциональностью ноэзы объект *a* ни в коем случае себе представлять нельзя. В направленности желания, которую с гуссерлевской интенциональностью путать не следует, объект этот выступает как его, желания, причина. Прибегая к только что мною использованной метафоре, можно сказать, что объект располагается у объекта желания *позади*» [Лакан, 2010, с. 126].

Итак, мы привели два примера, представленные работами Фераррело и Лакана², в которых интенциональность рассматривается междисциплинарно, но с тяготением к философии. Далее мы более подробно остановимся на концепции интенциональности, конструирование которой заточено на имплементацию преимущественно в психологической и психотерапевтической сферах.

Концепция интенциональности Р. Мэй

Ролло Мэй (1909–1994) – американский психолог и психотерапевт, один из главных теоретиков экзистенциальной психологии, направления, играющего ведущую роль на сегодняшний день наряду с гештальт-психологией, гуманистической, психоаналитической и когнитивно-поведенческой парадигмами. Исходя из названия, становятся очевидными «идеологическая» составляющая экзистенциальной психологии, а также ее основные тематические рубрики: свобода, тревога, добро и зло, любовь и ненависть, страх и другие модусы, отражающие проблемы человеческого существования (экзистенции). Здесь же нужно подчеркнуть, что данное направление достаточно конструктивно и диалогично относится к психоанализу. В той или иной степени принимаются ключевой тезис психоанализа о присутствии бессознательного и ряд вытекающих из этого тезиса последствий. Однако экзистенциальное направление идет дальше. Сам Р. Мэй дает такое определение: «... экзистенциальная психотерапия – это направление, которое хотя и основывается, с одной стороны, на научном анализе³, который многим обязан гению

² Не вдаваясь в подробную аргументацию того, каковы были фундаментальные ориентиры Ж. Лакана – философские или психологические (структуралистско-психоаналитические), – признаем квалификацию его как философа просто авторским мнением, которое может не совпадать с актуальным положением дел и устоявшимися оценками.

³ Понимание и трактовка «научности» для многих направлений психологии, как и для многих направлений современной философии, в том числе и для феноменологии, составляет самостоятельную и крайне сложную проблему [см.: Бердаус, 2021].

Фрейда, с другой – выводит представление и понимание человека на более широкий и глубокий уровень, человек здесь предстает как бытие. Оно [экзистенциальное направление] исходит из предположения о возможности существования науки о человеке, которая не делит его на части, не лишает его человеческих качеств в процессе исследования» [Мэй, 2017, с. 131].

О каких частях говорит Р. Мэй? В условном ключе ответить на этот вопрос можно возвращением к античному видению человека как средоточию трех начал: разумного, страстного и вегетативного. Если через призму этого разделения взглянуть на современные психологические и психотерапевтические попытки *обратиться* к человеку, то можно усмотреть пусть и несколько натянутые, но соответствия. К разумной части обращаются: психоанализ⁴, гештальт-психология, когнитивно-поведенческая психология и т. п. К страстной обращены различные виды арт-терапии. К вегетативной – телесно-ориентированная терапия. Другими словами, человек представляется как нечто располагающее тремя агрегатными состояниями, и, исходя из абсолютно непредсказуемого стечения обстоятельств, он может *отозваться* на переключение его в одно из указанных трех. Даже существование, так называемых, интегративных методов и стратегий по определению не предполагает цельного подхода, но лишь комбинированное воздействие на разные части, что подчеркивает незыблемость их теоретической и практической дезинтеграции. «Разобранный» по частям человек все чаще не в состоянии адекватно удерживать свою экзистенцию, т.е. органически переживать как целое то, что в Античности было представлено структурированным образом в большей степени исходя из аналитических соображений.

Для обращения этого дезинтегративного процесса вспять Р. Мэй предлагает обратиться к другой структуре, которая, на его взгляд, реанимирует целостное измерение человеческого опыта, которое «лежит не в джеймсовом анализе сознания и не во фрейдовском анализе бессознательного, а пересекает и включает в себя как сознательное, так и бессознательное, как знание, так и способность к волевому движению» [Мэй, 2016, с. 255]. Под этой структурой Р. Мэй и подразумевает интенциональность, а точнее ту ее интерпретацию, которую он дал в своей знаковой работе «Любовь и воля» (1969).

В ознакомительном ключе американский психолог предварительно рассказывает об истоках интенциональности. Он отмечает, что корни ее следует искать в философии древних: «Аристотель сказал: “то, что дано глазам [на нашем языке то, что дано в восприятии], являет нацеленность (intentio) души”. Цицерон говорит о душе как о “нацеленности (tension) тела”» [Там же, с. 258]. Затем, указав также на средневековые и нововременные предпосылки, он приходит к современности и останавливается на такой исходной для себя позиции: «... интенциональность начинается как эпистемология, способ познания реальности» [Там же, с. 259]. А уже из этой позиции начинает разворачиваться его собственная интерпретация интенциональности.

⁴ Разумеется, мы отдаем себе отчет о фундаментальной роли бессознательного для психоанализа, однако речь в данном абзаце идет о том, как можно работать с бессознательным, и даже точнее – как получить материал бессознательного. И здесь известна позиция Фрейда – только посредством обращения к разуму, речи, сознанию анализанта. Хотя интересно, что Фрейд – тонкий, эрудированный знаток искусства, «диагностировавший» эдипальные эскапады у гениальных художников Возрождения – не предлагал своим пациентам каких-нибудь арт-практик.

Для начала он обнаруживает своего рода точку бифуркации в развитии современного понимания интенциональности. Эту точку он обнаруживает достаточно нетривиально. Общеизвестно, что современное понимание интенциональности связано с именами Франца Brentano и его ученика Э. Гуссерля – основоположника феноменологии. Однако в этот контекст Р. Мэй вводит еще одного не менее известного ученика Brentano – Зигмунда Фрейда. Он говорит следующее: «... хотя Фрейд, насколько мне известно, никогда не упоминает Brentano в своих работах, понятно, что он был более чем просто анонимным слушателем его лекций <...> Интенциональность является неотъемлемой частью самих оснований фрейдовского подхода к свободным ассоциациям, сновидениям и фантазиям. Возможно, Фрейд не упоминает об этой концепции явно по той же причине, почему она упускается и в других направлениях нашей академической психологии; Фрейд хотел создать естественнонаучную форму психологии для своего психоанализа, а откровенно выраженная интенциональность – “недостающее звено” между разумом и телом – делает такую задачу бесконечно более сложной, если не невозможной» [Там же, с. 260].

Последние слова достаточно близко характеризуют попытку Э. Гуссерля выстроить свою феноменологическую психологию из концепции интенциональности. Этот проект оказался действительно достаточно сложным и для понимания, и для реализации. Но для нас важнее в вышеприведенной цитате ее совокупный смысл или, точнее сказать, интенция автора книги, которая заключается в попытке ухватить интенциональность как особенное свойство психики и при этом расшатать методологические основания работы с ним. Это свойство наиболее репрезентативно представлено в философии, феноменологии, но свою манифестацию, причем достаточно яркую, оно нашло там, где об интенциональности нельзя говорить, поэтому и не сказано – в психоанализе.

Отталкиваясь от такого положения дел, Р. Мэй поступает следующим образом. Он перенимает структурное понимание интенциональности у феноменологии, не входя при этом в методологические и трансценденталистские ограничения. Так, структуру интенциональности он представляет следующим образом: «... под интенциональностью я имею в виду структуру, которая придает смысл переживанию, ее не следует отождествлять с намерениями, это измерение, лежащее в их основе; это сама способность человека иметь намерения» [Там же, с. 256]. Еще один аспект заключается в том, что «интенциональность – <...> это структура смысла, которая делает возможным для нас, субъектов, каковыми мы являемся, видеть и понимать внешний мир как объективный, каковым он является. В интенциональности преодолевается дихотомия между субъектом и объектом» [Там же, с. 258]. Таким образом, мы видим сохранение именно функциональной, структурной специфики феноменологического понимания интенциональности, которая при этом полностью выведена из феноменологической установки. С точки зрения некоторых направлений современной феноменологии такая трактовка вполне приемлема. Например, Смит и Макинтайер, представители калифорнийской школы феноменологии, известной своим профрегеанским уклоном, дают такое определение: «... интенциональность – это свойство мысли или опыта, заключающееся в том, что они являются сознанием “чего-то” или сознанием “о”. Хотя “интенциональность” – это технический термин философии, нет ничего более знакомого любому человеку, чем то, что он обозначает: это характерная черта того, что обычно называется “быть сознательным” или “осознавать”. В силу того, что человек обладает сознанием, он находится в особом отношении к своему окружению: на нас

не просто влияют физические вещи, события, положения дел и другие люди; мы также осознаем все эти вещи, числа, предложения, наши собственные ментальные состояния и все остальное, что мы представляем нашему разуму. Этот относительный характер сознания и есть “интенциональность”» [Smith, McIntyre, 1982, p. XI]. В этом примере мы видим, как и в рамках философии осуществляются попытки выведения интенциональности из конститутивной замкнутости гуссерлевской феноменологии.

Следующим шагом, который сделал Р. Мэй в своей книге, можно считать подведение этой структурной модели интенциональности в психоаналитический дискурс, затрагивающий проблему соотношения сознательного и бессознательного. Перечислим основные тезисы: 1) «интенциональность <...> опускается ниже уровня непосредственной осознанности и включает спонтанные, соматические элементы и другие измерения, которые обычно называются “бессознательными”» [Мэй, 2016, с. 270]; 2) «интенциональность задает лежащую в основе желания и воли структуру. Говоря психоаналитически, интенциональность представляет структуру, в рамках которой происходит подавление и блокирование сознательных намерений» [Там же, с. 271].

Может сложиться впечатление, что описываемые нами шаги в рассуждениях и выводах Р. Мэя очень широки, и лишены более тонкой аргументации в вопросах интерференции психоаналитических и феноменологических идей. И, если судить по тексту работы «Любовь и воля», это впечатление вполне справедливо. Поэтому мы постараемся реконструировать некоторые связи, высказав определенного рода предположения. В целом, ощущение скоропостижности усмотрения интенциональности как структуры, задающей интерференцию сознательного и бессознательного, возможно связано с тем, что автором нигде не проговаривается ключевой и, на наш взгляд, очень интересный мотив о сближении природы интенциональности и понимания влечения у Фрейда. Не уходя в подробную реконструкцию, ограничимся лишь фрейдовским схематизмом: «... влечение – это раздражитель для психики» [Фрейд, 2006, с. 87]. А теперь взглянем на подступы к определению интенциональности у Р. Мэя, предложившего следующий пример. Ему необходимо найти небольшой дом и, варьируя свои намерения, которые он хочет реализовать в этом доме, он заключает, что в каждом из этих вариантов «раздражителем (здесь и далее курсив наш – С.Б.) является один и тот же дом», а он остается «одним и тем же человеком, отвечающим на *раздражитель*» [Мэй, 2016, с. 257]. Автору важно подчеркнуть включенность субъекта и объекта в процесс формирования смысла: «... интенциональность является мостиком между нами и объектом». Однако если принять это акцент на присутствии слова «раздражитель», то становится понятнее все дальнейшее изложение, где представлено соотношение интенциональности и восприятия, тела и воли, столь рельефно пронизанное классической структурой влечения по Фрейду, состоящей из напора, цели, объекта и источника влечения [Фрейд, 2006, с. 91]. И, возможно, если выводить разговор на более нейтральную почву, за пределы феноменологии и психоанализа, то смелая интуиция Р. Мэя о том, что «интенциональность предоставляет структуру, в рамках которой происходит подавление и блокирование сознательных намерений», может обрести чрезвычайно важные перспективы, как для современной философии, так и для психологии.

Заключение

Эту работу мы начали с методологической и контекстуальной озадаченности вопросом о порядке заимствования психологией тех или иных философских идей, а также вопросом о том, как философия со своей стороны должна относиться к судьбе своих детищ. Мы предположили, что на сегодняшний день наиболее адекватной стратегией может выступить нейтрально настроенная интервенция со стороны философии, сопровождаемая комментариями и предложениями. В качестве экземпляра такой интервенции в настоящей статье выступил анализ феноменологической концепции интенциональности. Наш выбор был мотивирован определенной стагнацией развития этой концепции в философии и предположением о более плодотворном ее разворачивании в русле психологии. Для более детального анализа мы обратились к работе представителя экзистенциальной психологии Р. Мэю. Его версия концепции интенциональности, представленная в работе «Любовь и воля», на наш взгляд, задействует имплицитные коннотации феноменологической трактовки интенциональности с теорией влечения З. Фрейда.

Обнаружение этих коннотаций и более глубокая рефлексия, как в ходе симультанного феноменологически-психоаналитического подхода, так и в ходе самостоятельного осмысления соответствующих идей Гуссерля и Фрейда, может иметь, на наш взгляд, обширный эвристический потенциал в области исследования сознания и бессознательного.

Список литературы / References

- Бердаус, С. В. (2021). Концепт *Kunstlehre* в феноменологии Гуссерля. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 4. С. 16-26.
- Berdaus, S. V. (2021). The Concept of *Kunstlehre* in the Husserl's Phenomenology. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 16-26. (In Russ.)
- Гуссерль, Э. (2013). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию*. Пер. с нем. Д. В. Кузницына. СПб.
- Husserl, E. (2013). *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy*. Kuznitsyn, D. V. (transl.). St. Petersburg. (In Russ.)
- Гуссерль, Э. (2005). Амстердамские доклады. Гуссерль Э. *Избранные работы*. Сост. В. А. Куренной. М. С. 297-340.
- Husserl, E. (2013). Amsterdam Lectures. In Kurennoj, V. A. (ed.) *Husserl E. Selected Works*. Moscow. pp. 297-340. (In Russ.)
- Лакан, Ж. (2010). *Тревога* (Семинар, Книга X (1962/63)). Пер. А. Черноглазова. М.
- Lacan, J. (2010). *Anxiety*. (Seminar, Book X (1962/63)). Chernoglazov, A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Мэй, Р. (2017). Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение. *Теория и практика экзистенциальной психологии*. Под ред. С. Римского. М. С. 88-131.

May, R. (2017). The Origins and Significance of the Existential Movement in Psychology. In Rimskij, S. (ed.) *Theory and practice of existential psychology*. Moscow. pp. 88-131. (In Russ.)

Мэй, Р. (2016). *Любовь и воля*. Пер. О. О. Чистякова, А. П. Хомика. М.

May, R. (2016). *Love and Will*. Chistjakov, O. O., Homik, A. P. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Фрейд, З. (2006). Влечения и их судьбы. Фрейд З. *Психология бессознательного*. Пер. А. М. Боковикова. М. С. 79-109.

Freud, S. (2006). Instincts and their Vicissitudes. In *Freud S. Psychology of the Unconscious*. Bokovikov, A. M. (transl.). Moscow. pp. 79-109. (In Russ.)

Хайдеггер, М. (2012). *Цолликоновские семинары*. Пер. И. Г. Глухой. Вильнюс.

Heidegger, M. (2012). *Zollikon Seminars*. Gluhova, I. G. (transl.). Vilnius. (In Russ.)

Ferrarello, S. (2016). *Husserl's Ethics and Practical Intentionality*. London. N. Y.

Ferrarello, S. (2011). Practical Intentionality: A Balance Between Practical and Theoretical Acts. *Humana Mente*. Vol. 4(15). pp. 237-250.

Ferrarello, S. (2019). *The Phenomenology of Sex, Love, and Intimacy*. N. Y.

Smith, D.W, McIntyre, R. (1982). *Husserl and Intentionality: A Study of Mind, Meaning, and Language*. Dordrecht. Boston. Lancaster.

Сведения об авторе / Information about the author

Бердаус Светлана Владимировна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

Статья поступила в редакцию: 10.12.2021

После доработки: 10.02.2022

Принята к публикации: 21.02.2022

Berdaus Svetlana – Candidate of Philosophy, Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: s.berdaus@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7067-421X>

The paper was submitted: 10.12.2021

Received after reworking: 10.02.2022

Accepted for publication: 21.02.2022